

КОГНИТИВНАЯ ОБРАБОТКА РУССКИХ ЭКСПРЕССИВНЫХ ЕДИНИЦ: ГЕНДЕРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Исследование выполнено при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ, договор №14У26.31.00.14

Представлены результаты экспериментальных исследований когнитивной обработки экспрессивных слов русского языка мужчинами и женщинами. В серии поведенческих экспериментов, проводимых с использованием программного обеспечения E-Prime, получены статистически достоверные доказательства того, что обработка экспрессивных стимулов мужчинами и женщинами зависит не только от типа и степени экспрессивности, но и от особенностей ее референтной отнесенности. Значимым является одушевленность / неодушевленность объекта, соотносимого с экспрессивным словом, а также референция признака, действия, обозначенного экспрессивным словом, к мужчине и женщине.

Ключевые слова: экспрессивность; гендер; поведенческий эксперимент; когнитивная обработка; прайм.

Введение. В современной гуманитарной науке, в широком спектре ее частнонаучных направлений, в число которых входит лингвистика, не ослабевает интерес к проблемам гендерных оппозиций, являющихся отражением в культуре биологически детерминированных различий мужчин и женщин. Языкознание в этой парадигме исследует широкий круг проблем, начиная от изучения различий в речевом поведении представителей разных полов до исследований отражения гендерных оппозиций в языковых структурах. В качестве базового эмпирического материала, на основе анализа которого выстраиваются концепции гендерной лингвистики, используются прежде всего тексты, противопоставленные по гендерным различиям субъектов, их породивших. Текстологические исследования гендерных различий в процессах текстопроявления, их результатах – особенностях текстовых структур – имеют длительную историю, и к настоящему времени получены интересные, значимые выводы о моделях речевого поведения, противопоставляющих мужчин и женщин, на материале разных языков, в том числе русского [1–5], о специфике использования языковых единиц разных уровней в мужской и женской речи в различных дискурсах и конкретных жанрах [6–10].

Одним из значимых выводов, полученных в рамках данного направления, в том числе и выполненных на материале русского языка, является вывод о различии *эмоционального фона* мужской и женской речи, что, являясь отражением различий коммуникативных стратегий и тактик, находит воплощение в различии использования языковых единиц – лексических (эмоционально-оценочных единиц разных классов), синтаксических (конструкции экспрессивного синтаксиса), фонетических (или в особых графических маркерах эмоционального фона речи в письменной, прежде всего компьютерно опосредствованной коммуникации) [1, 2, 10]. Заметим сразу, что, говоря об использовании каких-либо языковых единиц как признаке, противопоставляющем мужскую и женскую коммуникацию, исследователи имеют в виду различия в количественном преобладании единиц и тенденциях их разнотипного использования.

Накопленные объективные данные о характере эмоциональности мужской и женской речи позволяют выдвинуть гипотезу о различии *восприятия данных*

единиц мужчинами и женщинами, т.е. в тех ситуативных ролевых позициях, когда мужчина и женщина не порождают, но воспринимают экспрессивные языковые единицы.

Постановка данной исследовательской проблемы требует применения прежде всего экспериментальных методик, позволяющих представить объективированные данные о процессах восприятия и обработки языковых единиц. Такого рода исследования проводятся в настоящее время применительно к материалу различных языков. Экспериментально изучается специфика восприятия и обработки экспрессивных единиц как безотносительно к своеобразие социальных типов коммуникантов, при этом, в частности, отмечается, что ускорение когнитивной обработки экспрессивных слов может быть вызвано «мотивированным вниманием и аффективными состояниями» (см. обзор работ в [11]), так и в аспекте гендерно обусловленных различий. Так, например, в работе В. Gohier с соавт. рассматриваются гендерные различия в восприятии стимулов с положительным и отрицательным значением. Для определения гендерных различий в восприятии эмоциональной информации исследователи использовали данные о наличии или отсутствии прайминг-эффекта, т.е. о различиях в скорости реакции испытуемых при обработке положительных и отрицательных слов-стимулов в случае, когда им предшествовали положительные, отрицательные или нейтральные праймы (предшествующие восприятию целевых стимулов элементы, оказывающие влияние на их восприятие) различных модальностей. Так, прайминг-эффект у мужчин был сильнее, чем у женщин, только в том случае, когда и слово-стимул, и прайм имели отрицательную коннотацию. Различия в восприятии негативных стимулов авторы статьи объясняют большей чувствительностью женщин к отрицательным стимулам [12].

Психолингвистические исследования восприятия языковой экспрессивности и эмоциональности проводятся на материале различных языков, русскоязычная коммуникация в качестве объекта в данную парадигму только начинает вовлекаться. Вместе с тем, как представляется, формирование эмоционального фона коммуникации, своеобразие привлечения единиц разных языковых уровней определяются как привычными культурными кодами, имеющими этническую маркированность, так и ресурсами языковых систем.

Цель нашего исследования – выявить наличие или отсутствие влияния экспрессивности языкового стимула на его восприятие русскоязычными мужчинами и женщинами.

Метод. Как было отмечено ранее, поставленная цель достигалась с использованием экспериментального метода. В данной статье представлены результаты серии поведенческих экспериментальных исследований влияния гендерных различий на процессы восприятия и когнитивной обработки экспрессивных лексем носителями русского языка с его особой семантической и морфологической структурой. Основные характеристики дизайна экспериментов определялись базовой гипотезой о возможности различий в обработке экспрессивных лексических единиц в зависимости от типов экспрессивности лексем и типов их референции.

Все эксперименты проводились с использованием программы E-Prime 2.0 (Copyright 1996–2012 Psychology Software Tools) и в соответствии с принципами организации подобного типа экспериментов, при проведении которых экспериментаторы исходят из положения о том, что различия в скорости реакции (Reaction Time – RT) испытуемых свидетельствует о различиях в когнитивной обработке вербальных стимулов (используемое программное обеспечение позволяет измерять время реакции в миллисекундах (мс) и обрабатывать значительное количество данных).

Стимулы предъявляются на экране монитора испытуемым, которые, в соответствии с инструкцией, реагируют в качестве ответа на задание нажатием на обозначенную клавишу клавиатуры компьютера. Стимулы предъявляются в случайном порядке.

Время предъявления стимулов – 3 000 мс, перед началом новой пробы появлялся пустой экран (ITI – intertrial interval) – 250 мс, время предъявления фиксационного креста – 250 мс. Типовая схема проведения экспериментов представлена на рис. 1, однако в одном из экспериментов схема предъявления стимулов была осложнена введением прайма.

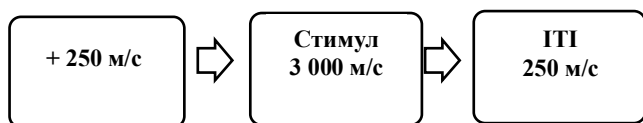

Рис. 1. Типовая схема процедуры эксперимента

Принципиально важным в организации эксперимента является то, что испытуемый выполняет задание, не связанное с исследуемым языковым явлением, и это позволяет выявить действие факторов, сознательно не контролируемых испытуемым. В обсуждаемых далее экспериментах мы использовали три типа заданий: задание на принятие лексического решения (lexical decision task), при выполнении которого испытуемому предлагается определить, является ли появляющееся на экране слово реальным словом соответствующего языка или это незначимая комбинация символов; задание на категоризацию, при котором испытуемому предлагается квалифицировать появляющееся на экране слово как относящееся к какому-либо классу (например, в нашем эксперименте –

определить, к какому грамматическому роду относится слово); задание на понимание прочитанного (reading comprehension task), при котором испытуемому предлагается читать предложения и отвечать на вопросы, диагностирующие понимание / непонимание прочитанного.

Действие исследуемых факторов проверяется строгим подбором стимулов, противопоставленных по изучаемым факторам. Для проверки сформулированной нами гипотезы в серии проводимых экспериментов мы последовательно манипулировали совокупностью параметров экспрессивных слов: 1) наличие vs. отсутствие эмоциональной оценки (или другого типа экспрессивности) в семантике слова (*платице, коленце, копытце* vs. *прокачка, раскачка, солонка*); 2) тип эмоциональной оценки: положительная vs. отрицательная (*счастье, реченька, папенька* vs. *мелелишка, репортеришко, пиджачишко*); 3) тип экспрессивности: оценочная семантика vs. значительная степень проявления признака (*дороженька* vs. *набухаться, щекастый*); 4) положение предъявляемого стимула относительно контекста: изолированный стимул vs. стимул в минимальном контексте (*взбеситься, сфотографироваться* vs. *он вчера разожрался, она вчера уволилась*); 5) положение стимула в экспериментальном задании – целевой стимул (таргет) vs. стимул в позиции прайма. Праймом в психолингвистических и когнитивных экспериментах называют единицу (вербальную или невербальную), которая предшествует целевому слову, воспринимается испытуемым ранее и вследствие этого может оказать влияние на его обработку: скорость выполнения задания, его точность и т.д. Подробное описание типов праймов, используемых в психолингвистической литературе, представлено в работе М.В. Фаликман, А.Я. Койфман [13]. В наших экспериментах мы прослеживали влияние экспрессивного прайма, который является эмоциональным (в противопоставление когнитивному), осознаваемым (противопоставляется неосознаваемому, предъявляемому в эксперименте в течение 50 мс), семантическим (противопоставляется перцептивному, сублексическому уровню обработки слова).

В серии экспериментов в качестве стимулов были использованы единицы разных частей речи – существительные, глаголы, прилагательные (*кроваточка, репортеришко* vs. *надраться, намалеваться* vs. *простецкий*), однако влияние грамматической характеристики слова не было предметом специального исследования, в пределах дизайна одного эксперимента стимулы на основании различий части речи не противопоставлялись.

Степень экспрессивности, психологическая реальность оценочной семантики языковых стимулов для русскоговорящих, субъективная частотность проверялась в серии претестов с использованием психометрического метода шкалирования Лайкерта, заключающегося в выявлении субъективной оценки респондентами того или иного явления по 9-, 7- или 5-балльной шкале (в наших экспериментах мы использовали семибалльную шкалу). Выявление мнения респондентов проводилось при помощи Google-анкет, в

процессе проведения которых участникам предлагалось оценить предложенные лексические единицы на шкале Лайкерта по трем параметрам: степень экспрессивности стимулов; оценка обозначаемого явления, которую выражает слово (положительная, отрицательная, нейтральная); степень субъективной частотности стимулов. Каждый из претестов прошли не менее 20 испытуемых, что соответствует требованиям примененной парадигмы экспериментальных исследований. В результате применения данной методики мы получили усредненное значение субъективной оценки по данным параметрам каждого анализируемого слова.

С применением Т-тестов программы SPSS STATISTICS из состава единиц, включенных в Google-анкеты, отбирались стимулы, которые не имели статистически значимых различий по усредненной оценке стимулов по признакам частотности, а также по объективным параметрам слоговой и буквенной длины. Необходимость контроля по данным параметрам вызвана наличием доказанного во множестве поведенческих экспериментов эффекта влияния длины и частотности стимула на скорость реакции испытуемого. Отсутствие статистически значимых различий по трем признакам в группе противопоставленных стимулов (буквенная и слоговая длина слова и частотность) позволяет избежать влияния данных факторов на результаты проводимых экспериментов, в которых проверяется влияние других факторов – наличие экспрессивности в семантике слов и ее типа.

Именно потому, что данные признаки являются основными независимыми переменными дизайна проводимых экспериментов, способными повлиять скорость реакции испытуемого, по гипотезе авторов проекта, в составе стимулов были оставлены единицы, имеющие статистически значимые различия по данным признакам, что также проверялось с использованием Т-теста. Например, в состав стимулов второго эксперимента включались единицы двух противопоставленных групп: в первую группу были включены, например, единицы *актеришка*, *бумажонка*, *душонка*, имеющие длину 4 слога, 9 букв (в целом колебания в стимулах 8–11 букв, 4–5 слогов) и колебания частотности в диапазоне от 2,1 до 2,5. При этом в группе субъективная эмоциональность варьировала в диапазоне от 4,8 до 5,3, оценочность – в диапазоне от 1,6 до 1,7. Во вторую группу были включены единицы *горожанка*, *перегонка*, *медогонка*, характеризующиеся тождественной длиной и колебаниями частотности в том же диапазоне от 1,4 до 2,4, однако имеющие значимые различия в оценке эмоциональности по отношению к единицам первой группы (диапазон варьирования от 1,7 до 2,5; варьирование оценочности – от 0,1 до 0,3). Повторим, что статистически значимое различие определялось в целом для усредненных значений всех единиц группы. Из исходного списка 150 стимулов в результате оценки на соответствие всем необходимым критериям осталось 22 стимула, которые были введены в дизайн эксперимента.

По данной схеме отбирались стимулы для всех экспериментов.

В экспериментах приняли участие студенты томских вузов различных факультетов (ТГУ, ТПУ) в воз-

расте от 17 до 23 лет. В каждом эксперименте приняли участие по 44 человека, равное количество мужчин и женщин. Эксперименты проводились в разное время, для участия в них привлекались разные группы участников.

Результаты обрабатывались с помощью пакетов программ IPM SPSS STATISTICA и STATISTICS.02.

Описание экспериментов. Итак, в соотнесенных экспериментах мы последовательно манипулировали различным набором признаков экспрессивных единиц, чтобы проследить их влияние на обработку предъявляемых стимулов.

В двух первых экспериментах была проверена частная гипотеза о возможности различного восприятия мужчинами и женщинами имен существительных-диминов. При формулировании гипотезы мы основывались на выработанных в гендерной лингвистике положениях не только о повышенной эмоциональности и экспрессивности женской речи, но и ее асимметрии в сторону *положительной эмоциональной оценочности*, что было также подтверждено в исследованиях на материале обыденной электронно опосредствованной коммуникации [14, 15]. Кроме того, основанием выдвижения гипотезы явились сформированные в современных этнокультурологических и этнолингвистических исследованиях положения о значительно развитой зоне эмоционально-экспрессивного словообразования в качестве яркой этнокультурной специфики русской деривационной системы (см., напр.: [16–19]).

1. В первом эксперименте испытуемые выполняли задание лексического выбора со стимулами – нейтральными существительными и существительными с уменьшительно-ласкательным значением. При отборе материала мы использовали в качестве первичного источника «Обратный словарь русского языка» [20], оценка эмоционально-экспрессивной окрашенности лексем определялась по данным «Русской грамматики» [21] и «Словаря русского языка» [22], субъективная экспрессивность и частотность определялись, как было уже отмечено, в серии претестов. Экспрессивные стимулы вводились в эксперименты в оппозиции с псевдословами, сконструированными с финалями, идентичными уменьшительно-ласкательным суффиксам (*счастье*, *реченька*, *папенька*, *свечечка* и т.д. vs. *насечка*, *осечка*, *подгонка* vs. *вазалинка*, *веречка*, *волонка*, *доринка*). Всего каждому информанту было предъявлено по 100 стимулов: 25 экспрессивных слов, 25 неэкспрессивных и 50 псевдослов. В дальнейшем псевдослова из анализа исключались. Таким образом, дизайн первого эксперимента – 2×2 , в нем в качестве независимых переменных выступили: стимулы экспрессивные (с положительной эмоционально-оценочной коннотацией) vs. неэкспрессивные; пол испытуемых – мужской vs. женский. Как отмечалось ранее, в качестве зависимой переменной в данном и последующих экспериментах выступало время реакции (RT).

Однофакторный анализ ANOVA показал, что различия реакции у мужчин и женщин на экспрессивные и неэкспрессивные слова не являются статистически значимыми ($p = 0,52$), однако выявлена тенденция к

различию в скорости реакции при взаимодействии факторов пола испытуемого и уменьшительно-ласкательной семантики диминутива.

Этот факт явился основой предположения о том, что, возможно, степень влияния фактора экспрессивности может увеличиться с изменением типа оценочной семантики суффикса и введением еще одного контролируемого признака – признака одушевленности / неодушевленности референта экспрессивного имени.

2. Во втором эксперименте в качестве стимулов были избраны слова с уничижительной и пренебрежительной или снисходительной эмоциональной оценкой (*мебелишка, репортеришко, пиджачишко*), которые отбирались в том же порядке и по тем же источникам, что и в первом эксперименте. Кроме того, стимулы были противопоставлены по категориальному признаку одушевленности – неодушевленности (*огородишко vs. леунишка*).

Таким образом, в отличие от предыдущего, в данном эксперименте мы увеличили количество исследуемых взаимодействующих факторов, дизайн эксперимента – $2 \times 2 \times 2$: стимулы экспрессивные (с отрицательной коннотацией) vs. неэкспрессивные; одушевленные vs. неодушевленные; пол испытуемых – мужской vs. женский. Как отмечалось ранее, в качестве зависимой переменной в данном и последующих экспериментах выступало время реакции (RT).

При обработке результатов мы использовали статистический анализ Repeated Measures ANOVA, который применяется, когда по крайней мере один из факторов изменяется по внутригрупповому признаку. Данный вид анализа показал наличие статистической значимости при взаимодействии всех трех независимых переменных. Так, было выявлено, что мужчины реагируют значительно медленнее на экспрессивные стимулы, нежели неэкспрессивные, проявляя также зависимость скорости реакции от типа референции экспрессивности, реагируют значительно быстрее при предъявлении неодушевленных неэкспрессивных стимулов, нежели одушевленных неэкспрессивных ($p = 0,0002$). Что касается женщин, то в их реакциях фактор экспрессивности стимула оказался нерелевантен, однако была проявлена маргинальная значимость фактора референтной отнесенности признака при восприятии экспрессивных единиц, существует тенденция в увеличении скорости реакции у неодушевленных экспрессивных единиц по отношению к одушевленным (рис. 2).

Таким образом, проведенный эксперимент не выявил статистически значимых различий в когнитивной обработке экспрессивных стимулов у мужчин и женщин, однако показал значимость фактора одушевленности / неодушевленности денотата при восприятии экспрессивных слов мужчинами и женщинами, а также то, что влияние данного фактора проявляется как гендерно специфичное. Кроме того, полученные результаты могут быть проинтерпретированы и как влияние внутреннего контекста реализации экспрессивного значения суффикса на его интерпретацию мужчинами и женщинами. (Влияние разных типов внутреннего контекста, под которыми понимается тип корня (мотивирующей единицы) на реализацию экс-

прессивного значения диминутивного суффикса исследовалось в [17, 18].) Это наблюдение явилось основанием предположения о том, что фактор референтной отнесенности стимула может быть проявлен и в других его типах и вариантах языкового маркирования.

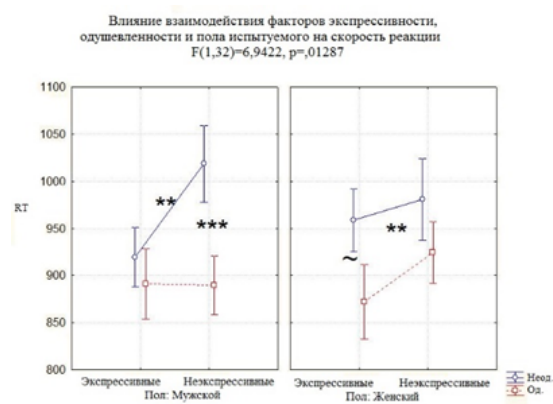

Рис. 2. Взаимодействие факторов экспрессивности, одушевленности стимула и пола испытуемого

3. Влияние фактора «тип референтной отнесенности экспрессивности» на когнитивную обработку слова нами проверялось в дизайне эксперимента с другим, по отношению к двум первым экспериментам, типом экспрессивности. В третьем из представленных в данной статье экспериментов в качестве стимулов были избраны экспрессивные глаголы, называющие интенсивно производимое действие и обладающие признаками разговорной маркированности (*бабахнуться, взбеситься, намалеваться, разожраться, очокуриться, разбуяниться, размалеваться, разрыдаться*). Данным стимулам были противопоставлены стилистически нейтральные глаголы, обозначающие действия без дополнительных признаков стилиевой маркированности (*сфотографироваться, устроиться*), 25 стилистически маркированных и 25 стилистически нейтральных единиц. Основанием выбора данных стимулов для дизайна эксперимента явилась частная гипотеза о различном характере влиянии фактора сниженной стилиевой маркированности на восприятие таких слов мужчинами и женщинами, что, в свою очередь, основывается на выводах гендерной лингвистики о тенденциях к стилиевой сниженности мужской речи по отношению к женской.

Наличие / отсутствие экспрессивности, ее тип и характер стилиевой маркированности отбираемых для экспериментальных сессий стимулов также определялись по названным источникам [21–23], субъективная частотность и степень экспрессивности определялись в системе претестов. Стимулы были введены в задачу reading comprehension. Для данных стимулов были подобраны минимальные контексты следующего типа: субъект (личное местоимение) + обстоятельство времени (наречие) + предикат (глагол в прошедшем времени, коррелирующий по форме рода с местоимением) (*он вчера разожрался, она вчера очокурилась, он вчера освободился, она вчера уволилась*).

Таким образом, дизайн данного эксперимента – $2 \times 2 \times 2$, где независимыми переменными являются:

пол испытуемого (мужской / женский), экспрессивность (экспрессивный / неэкспрессивный) и род субъекта действия (мужской / женский) в микроконтексте.

В процедуру эксперимента по отношению к базовым был введен дополнительный компонент. Сначала на экране появлялся фиксационный крест (+) в течение 250 м/с, затем – стимул-предложение (до нажатия пробела), затем вопрос по тексту или пустой экран, далее следовал intertrial interval. В инструкции участнику сообщалось о том, что на экране будут появляться предложения, которые нужно прочитать и понять, а далее ответить на вопросы по прочитанному тексту. Задача испытуемого заключалась в том, чтобы сразу после прочтения нажать на пробел, так как именно время данной реакции учитывалось при анализе данных.

Статистический анализ показал высокий уровень значимости фактора экспрессивности ($p = ,00000***$): как мужчины, так и женщины реагировали на экспрессивные слова медленнее, чем на нейтральные. При этом интеракции гендерного фактора (пола испытуемого) и фактора экспрессивности обнаружено не было. Однако была выявлена статистическая значимость влияния взаимодействия факторов грамматического рода субъекта предложения, экспрессивности и пола испытуемого ($p = 0,02*$). Скорость реакции на экспрессивный стимул-глагол у мужчин и женщин меняется в зависимости от того, с каким референтом (мужчиной или женщиной) соотносится экспрессивно названное действие, то есть, фактор пола референта имени существенно влияет на характер когнитивной обработки экспрессивного стимула, противопоставляя мужские и женские реакции (отмечается статистически значимая разница при обработке предложений, в которых экспрессивное, стилистическое слово соотносится с женщиной-референтом: женщины реагируют значительно дольше, мужчины подобной разницы в реакциях не проявляют (рис. 3)).

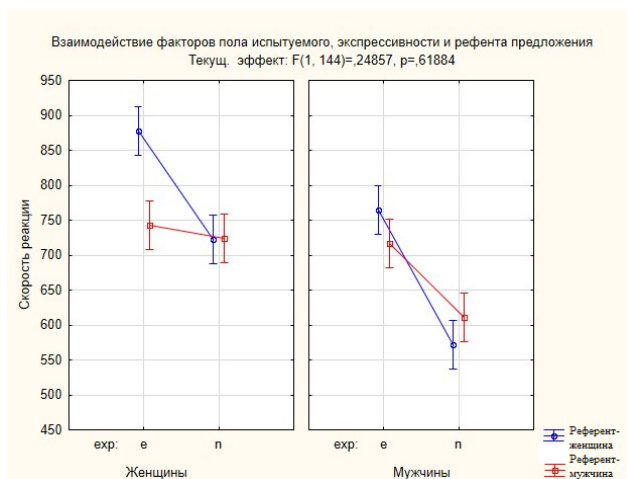

Рис. 3. Влияние факторов пола испытуемого, экспрессивности стимула и референта предложения

Если во втором эксперименте мы выявили влияние оппозиции признаков одушевленности / неодушевленности референта самого экспрессивного имени, то в данном эксперименте нами была установлена, по сути, та же закономерность, но проявленная иным способом. Значимость фактора экспрессивности язы-

кового стимула проявляется в сочетании с фактором грамматического рода референта имени, с которым сочетается экспрессивное слово. Различие референтов маркируется грамматически противопоставленными формами (грамматический род личного местоимения и формы прошедшего времени глагола), т.е. тип референта – мужской vs. женский пол производителя действия – маркировался дважды, в структуре самого глагола и во внешнем контексте – в согласуемом имени.

Таким образом, в двух экспериментах, проводимых с использованием в качестве стимулов экспрессивных единиц разных типов, разных частей речи, при выполнении разных когнитивных задач было выявлено влияние контекстных факторов на актуализацию гендерного противопоставления при восприятии экспрессивных единиц.

В трех экспериментах экспрессивный стимул находился в поле произвольного внимания испытуемых. Несмотря на то, что испытуемые решают когнитивные задачи, не связанные с оценкой экспрессивности, при их решении они манипулируют единицами, противопоставленными по данному признаку. Однако при восприятии текста экспрессивный стимул может оказаться вне поля произвольного внимания реципиента.

4. Дизайн следующего эксперимента был направлен на решение исследовательского вопроса: оказывает ли влияние экспрессивность лексической единицы, не находящейся в сфере произвольного внимания, на обработку контекстно связанных единиц, занимающих в дизайне эксперимента позицию целевого стимула. В четвертом эксперименте мы проверяем, может ли проявиться праймирующий эффект экспрессивного стимула. Вследствие этого в дизайн эксперимента были внесены следующие изменения.

В качестве экспрессивных праймов были избраны прилагательные, противопоставленные по наличию и отсутствию оценочной экспрессивности (*щекастый, обрюзглый, простецкий* vs. *общительный, невежливый, разговорчивый*), – в 20 экспрессивных и 20 нейтральных единиц. Наличие оценочной семантики и ее характер определялись на основе анализа толкований слова в указанных источниках, психологическая реальность данных смыслов также выявлялась в серии претестов.

В качестве целевых слов в эксперименте использовались личные сокращенные имена, называющие мужчин и женщин, однозначно соотносимые с полом (*Маша, Рома* и др., 20 женских и 20 мужских имен). То есть, по сравнению с дизайном предыдущего эксперимента, в данном экспрессивное слово и обозначение референта, к которому может быть отнесено экспрессивная лексема, поменялись местами.

Следует отметить еще одно существенное отличие дизайнов третьего и четвертого экспериментов. В третьем эксперименте все слова были связаны синтаксической связью, одновременно появлялись на экране монитора и находились в поле произвольного внимания – испытуемый выполнял задание на понимание смысла минимальной предикативной единицы. В четвертом эксперименте процедура была иной: испытуемые выполняли задание на категоризацию, они должны были ответить на вопрос, является ли предъявляемое имя мужским или женским, т.е. в поле произвольного

внимания находилось только личное имя. Экспрессивное прилагательное появлялось на экране до появления личного имени, выполняя функцию прайма, который демонстрировался фиксированное время и испытуемый не должен был на него реагировать никакими действиями до появления следующего стимула. При этом грамматическая форма экспрессивного стимула, ее совпадение / несовпадение по признаку грамматического рода с целевым стимулом-словом было введено в дизайн эксперимента в качестве независимой переменной, способной повлиять на активацию праймирующего эффекта экспрессивного стимула. Мы предположили при формировании дизайна эксперимента, что совпадение грамматической формы экспрессивного прилагательного-прайма и целевого стимула – личного имени – усиливало прайминг-эффект.

В инструкции испытуемым предлагалось определить, какому полу принадлежит личное имя, появляющееся на экране.

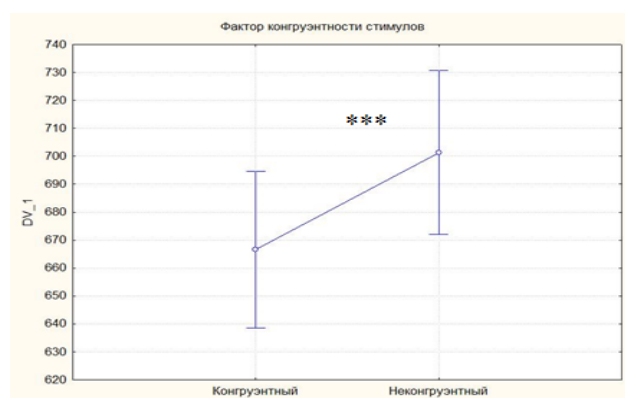

Рис. 4. Наличие или отсутствие конгруэнтности стимула и прайма

Полученные в данном эксперименте результаты подтвердили общую тенденцию, выявленную в первых трех экспериментах, проведенных с экспрессивными стимулами как положительной, так и отрицательной эмоционально-оценочной коннотации.

Одиночная активация экспрессивного стимула не приводит к существенным различиям в характере их восприятия мужчинами и женщинами.

Однофакторный анализ ANOVA показал, что скорость обработки личных имен при предъявлении экс-

прессивных и неэкспрессивных стимулов у мужчин и женщин не имеет статистически значимых различий.

При этом установлена статистическая значимость ($p = ,00004$) главного эффекта по принципу наличия / отсутствия грамматической сочетаемости (конгруэнтности) праймирующего слова и стимула, указывающая на то, что маркирование в прайме отнесенности признака к референтам, обозначенным мужскими и женскими именами, значительно ускоряет время реакции (рис. 4), однако это противопоставление утратило значимость в интеракции с различием пола испытуемого ($p = ,21053$).

Заключение. Результаты серии проведенных психолингвистических экспериментов позволили нам сделать следующие выводы.

Наблюдения о повышенной эмоциональности женской речи, различиях в характере эмоциональности и средствах ее лексической маркированности, полученные в лингвистических исследованиях, не находят непосредственной корреляции с противопоставлением когнитивной обработки экспрессивных стимулов мужчинами и женщинами в процессе их восприятия. Во всех четырех экспериментах нами были получены данные о не имеющей статистически достоверного значения асимметрии в скорости восприятия экспрессивных стимулов мужчинами и женщинами. Основным значимым результатом проведенных экспериментальных исследований заключается в получении статистически достоверных данных о том, что отличия в обработке экспрессивных стимулов мужчинами и женщинами появляются в ситуациях интеракции признака экспрессивности семантики слова и типа референта имени: значимыми оказываются одушевленность/неодушевленность имени и в большей степени – референция признака, действия, обозначенного экспрессивным словом, к мужчине и женщине. Мужчины и женщины реагируют по-разному на экспрессивное имя в его отнесенности к мужчине или женщине. Данные выводы непосредственно коррелируют с полученными ранее результатами экспериментальных исследований гендерного своеобразия обработки метафорических наименований мужчин и женщин [23]. Однако праймирующий эффект противопоставления референции признака к мужчине и женщине обнаружен не был, что требует дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык и его функционирование. М.: Наука, 1993. С. 90–136.
2. Вернер Ф. Речевое поведение женщин и мужчин // Языкознание: РЖ ИНИОН РАН. Сер. 6. М., 1984. С. 116–135.
3. Горошко Е.И. Теоретическая модель мужского и женского вербального поведения // Маркеры вербального и невербального поведения мужчин и женщин. Вена; Киев, 1996. С. 1–80.
4. Першай А. Гендерные аспекты речевого поведения // Иной взгляд: международный альманах гендерных исследований. Май 2000. Минск, 2000. С. 11–12.
5. Гришаева Л.И. Пол коммуниканта как прагматический феномен // Гендер: язык, культура, коммуникация: материалы Первой международной конференции. 25–26 ноября 1999 г. М., 1999. С. 38–39.
6. Курилович Н. Языковая репрезентация гендера // Иной взгляд: международный альманах гендерных исследований. Май 2000. Минск, 2000. С. 26–27.
7. Mukherjee A., Liu B. Improving Gender Classification of Blog Authors // Proceedings of the 2010 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing, 2010. P. 32–38.
8. Yan X., Yan L. Gender Classification of Weblog Authors // Computational Approaches to Analyzing Weblogs. AAAI, 2006. P. 18–26.
9. Argamon Sh., Koppel M., Fine J., Shmuni A.R. Gender, Genre, and Writing Style in Formal Written Texts // Text & talk. 2003. Vol. 23, is. 3. P. 321–346.

10. Степаненко А.А. Гендерная атрибуция текстов компьютерной коммуникации: статистический анализ использования местоимений // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 17–25.
11. Sereno S.C., Scott G.G., Thaden E.J., Bo Yao, O'Donnell P.J. Emotion word processing: does mood make a difference? // *Frontiers in Psychology*. 24 August 2015. URL: <http://journal.frontiersin.org/article/10.3389/fpsyg.2015.01191/full#B38>
12. Gohier B., Senior C., Brittain P.J., Lounes N., El-Hage W., Law V., Phillips M.L., Surguladze S.A. Gender differences in the sensitivity to negative stimuli: Cross-modal affective priming // *European Psychiatry*. 2013. № 28. P. 74–80.
13. Фаликман М.В., Койфман А.Я. Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестник Московского университета. 2005. Сер. 14. Психология. № 3, 4. С. 86–97.
14. Васильева А.В. Коммуникативно-прагматические аспекты проявления экспрессивности в мужских и женских коротких электронных сообщениях // Вестник науки Сибири. 2014. № 4 (14). С. 190–195.
15. Хабибулина А.С. Формальные показатели экспрессивности речи в коротких электронных сообщениях : сб. материалов XIV Междунар. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2014. С. 102–106.
16. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996.
17. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования: русское производное имя. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1996.
18. Резанова З.И. Именная демунивативная деривация в механизмах выражения оценки // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 194–231.
19. Нагель О.В. Деривационная специфика наименований лица в славянских языках (на материале параллельного подкорпуса НКРЯ) // Русин. 2015. № 3 (41). С. 226–240.
20. Обратный словарь русского языка. М., 1974.
21. Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1970. Т. 2.
22. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984.
23. Rezanova Z., Nekrasova E., Shilyaev K. Gender-marked metaphors: influence of grammatical gender and animateness of referential choice of metaphorical name of the person in the Russian language // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 154. P. 280–285.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 мая 2017 г.

COGNITIVE PROCESSING OF AN EXPRESSIVE WORD: GENDER SPECIFICITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 74–81.

DOI: 10.17223/15617793/420/10

Zoya I. Rezanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: resso@rambler.ru; resso@mail.tsu.ru

Alina V. Vasilieva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alvasilevaa@mail.ru

Ksenia S. Pozovkina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: senya.gl@mail.ru

Alfia S. Habibulina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: abibulina_a@mail.ru

Keywords: expressiveness; gender; behavioral experiment; cognitive processing; prime.

The paper describes results of experimental studies of Russian expressive words processing by men and women. The objective of this study is revealing the dependence of the processing of an expressive word by men and women on the features of their reference to animate vs. inanimate objects, men vs. women. The authors used the program E-Prime 2.0 (Copyright 1996-2012 Psychology Software Tools). The subjects performed three types of tasks (lexical decision task, categorization task and reading comprehension task) in our experiments. The authors manipulated a set of stimuli parameters step-by-step: 1) presence vs. lack of emotional evaluation (or other type of expressiveness) in the semantics of the word (*plat'itse* [small and good dress], *kolentse* [small knee and good attitude of the speaker], *kopytse* [small hoof and good attitude of the speaker] vs. *prokachka* [pumping], *raskachka* [swaying], *solonka* [salt shaker]); 2) type of emotional evaluation (positive vs. negative): *schast'itse* [happiness and good attitude of the speaker], *rechen'ka* [river and good attitude of the speaker], *papen'ka* [dad and good attitude of the speaker] vs. *mebelishka* [furniture and speaker's contemptuous attitude], *reporterishko* [reporter and speaker's contemptuous attitude], *pidzhachishko* [jacket and speaker's contemptuous attitude]; 3) type of expressiveness: evaluation vs. the degree of manifestation of feature (*dorozhen'ka* [road and good attitude of the speaker] vs. *nabukhat'sya* [to drink alcohol beyond measure], *shehekasty* [with big cheeks]); 4) the position of the stimulus in the context: isolated stimulus vs. stimulus in a minimal context (*vzbesit'sya* [to get mad, angry], *sfofografirovat'sya* [take a picture of oneself] vs. *on vchera razozhralsya* [he was eating a lot yesterday and the speaker emphasizes this], *ona vchera uvolilas'* [she quit yesterday]); 5) the position of the stimulus in the experimental task: the target stimulus vs. priming position. Nouns, verbs and adjectives were used as stimuli in the experiments; however, the influence of the grammatical characteristics of the word was not the subject of the study. The stimuli were aligned in literal and syllabic lengths. The degree of expressiveness, the psychological reality of the evaluative semantics of the stimuli for Russian speakers, subjective frequency were tested in a series of pretests. From 20 to 30 people took part in each survey. Students of different faculties of Tomsk universities (TSU, TPU), aged 17 to 23, took part in the experiments. Each experiment involved 44 participants, an equal number of men and women. The experiments were conducted at different times, various groups of participants were involved. In all four experiments, the authors obtained data only on the lack of a statistically significant asymmetry in the rate of cognitive processing of expressive stimuli by men and women. The main significant result of the experimental studies is statistically reliable data that differences in the processing of expressive stimuli by men and women are manifested in situations of interaction of the word expressiveness and the type of its reference. The animacy vs. inanimacy of the name and, to a greater extent, the reference of the attribute or action denoted by the expressive word to the man and the woman reveal statistical significance. Men and women cognitively process the expressive name in different ways when it refers to a man or a woman. The authors emphasize that this mutual influence manifests itself in a position where the expressive word is not in the zone of the subject's voluntary attention. These conclusions directly correlate with the results of experimental studies of the gender peculiarity of processing metaphorical names of men and women obtained earlier.

REFERENCES

1. Zemskaya, E.A., Kitaygorodskaya, M.A. & Rozanova, N.N. (1993) Osobennosti muzhskoy i zhenskoy rechi [Features of male and female speech]. In: Zemskaya, E.A. & Shmelev, D.N. (eds) *Russkiy yazyk i ego funkcionirovanie* [Russian language and its functioning]. Moscow: Nauka.
2. Verner, F. (1984) Rechevoe povedenie zhenshchin i muzhchin [Speech behavior of women and men]. *Yazykoznanie: RZh INION RAN. Ser. 6*. pp. 116–135.

3. Goroshko, E.I. (1996) Teoreticheskaya model' muzhskogo i zhenskogo verbal'nogo povedeniya [The theoretical model of male and female verbal behavior]. In: *Markery verbal'nogo i neverbal'nogo povedeniya muzhchin i zhenshchin* [Markers of verbal and nonverbal behavior of men and women]. Vienna; Kiev.
4. Pershay, A. (2000) Gendernye aspekty rechevogo povedeniya [Gender aspects of verbal behavior]. *Inoy vzglyad: mezhdunarodnyy al'manakh gendernykh issledovaniy*. May. pp. 11–12.
5. Grishaeva, L.I. (1999) [The sex of the communicant as a pragmatic phenomenon]. *Gender: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya* [Gender: language, culture, communication]. Proceedings of the 1st international conference. Moscow. 25–26 November 1999. Moscow: MSLU. pp. 38–39. (In Russian).
6. Kurilovich, N. (2000) Yazykovaya reprezentatsiya gendera [Language representation of gender]. *Inoy vzglyad: mezhdunarodnyy al'manakh gendernykh issledovaniy*. May. pp. 26–27.
7. Mukherjee, A. & Liu, B. (2010) Improving Gender Classification of Blog Authors. *Proceedings of the 2010 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. pp. 32–38.
8. Yan, X. & Yan, L. (2006) Gender Classification of Weblog Authors. *Computational Approaches to Analyzing Weblogs. AAAI*. pp. 18–26.
9. Argamon, Sh., Koppel, M., Fine, J. & Shimoni, A.R. (2003) Gender, Genre, and Writing Style in Formal Written Texts. *Text & Talk*. 23 (3). pp. 321–346.
10. Stepanenko, A.A. (2017) Gender attribution in social network communication: the statistical analysis of pronouns frequency. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 415. pp. 17–25. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/415/3
11. Sereno, S.C. et al. (2015) Emotion word processing: does mood make a difference? *Frontiers in Psychology*. 24 August 2015. [Online] Available from: <http://journal.frontiersin.org/article/10.3389/fpsyg.2015.01191/full#B38>.
12. Gohier, B. et al. (2013) Gender differences in the sensitivity to negative stimuli: Cross-modal affective priming. *European Psychiatry*. 28. pp. 74–80.
13. Falikman, M.V. & Koifman, A.Ya. (2005) Vidy prayminga v issledovaniyakh vospriyatiya i pertseptivnogo vnimaniya [Types of priming in studies of perception and perceptive attention]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14, Psikhologiya – Bulletin of Moscow University. Ser. 14, Psychology*. 3, 4. pp. 86–97.
14. Vasil'eva, A.V. (2014) Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty proyavleniya ekspressivnosti v muzhskikh i zhenskikh korotkikh elektronnykh soobshcheniyakh [Communicative-pragmatic aspects of expression in male and female short electronic messages]. *Vestnik nauki Sibiri*. 4 (14). pp. 190–195.
15. Khabibulina, A.S. (2014) [Formal indicators of speech expressiveness in short electronic messages]. *Proceedings of the XIV international conference of students and young scientists*. Tomsk: Tomsk Polytechnic University. pp. 102–106. (In Russian).
16. Wierzbicka, A. (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovari.
17. Rezanova, Z.I. (1006) *Funktsional'nyy aspekt slovoobrazovaniya: russkoe proizvodnoe imya* [Functional aspect of word formation: Russian derivative name]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Rezanova, Z.I. (2005) Imennaya deminutivnaya derivatsiya v mekhanizмах vyrazheniya otsenki [Nominal diminutive derivation in the mechanisms of evaluation expression]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: aksiologiya v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian world: axiology in language and text]. Tomsk: Tomsk State University.
19. Nagel', O.V. (2015) Derivation Peculiarities of Nominal Nouns in Slavic Languages (Based on the Parallel Subcorpus of the National Russian Corpus). *Rusin*. 3 (41). pp. 226–240. (In Russian).
20. Lazova, M.V. (ed.) (1974) *Obratnyy slovar' russkogo yazyka* [The reverse dictionary of the Russian language]. Moscow: Sov. entsiklopediya.
21. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1970) *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian grammar: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
22. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 2nd ed. Moscow: Rus. yaz.
23. Rezanova, Z., Nekrasova, E. & Shilyaev, K. (2014) Gender-marked metaphors: influence of grammatical gender and animateness of referential choice of metaphorical name of the person in the Russian language. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 154. pp. 280–285.

Received: 08 May 2017